

18+

Л. К. ШАН

Цикл Кверти

ВАШЕ МЕСТО В ЭТОМ ВАГОНЕ

Л. К. Шан

**Цикл Кврти. Ваше
место в этом вагоне**

«Издательские решения»

Шан Л. К.

Цикл Кврти. Ваше место в этом вагоне / Л. К. Шан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748037-0

Сборник сочинений, замерзших на сибирских ветрах. «На моей кровати снег» — это альманах историй, рассказов и новелл, объединенных общей идеей, но существующих самостоятельно, как отдельные произведения. В данной книге представлены две истории из серии: «Цикл Кврти» и «Ваше место в этом вагоне».

ISBN 978-5-44-748037-0

© Шан Л. К.
© Издательские решения

Содержание

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА	6
Пролог	8
Стужа	10
Утро	12
Май	17
Лето	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Цикл Кврти Ваше место в этом вагоне

Л. К. Шан

© Л. К. Шан, 2024

ISBN 978-5-4474-8037-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА

Написанием первых историй цикла «На моей кровати снег» автор в первую очередь обязан тому месту, которое натолкнуло на мысль о записи своих размышлений, и вынужденно дало временный приют. Без людей, наполняющих душу Сибирских просторов, а также обстоятельств, побудивших автора сменить знакомую обстановку на новую, и занятий, в котором черпались идеи – истории о Вере Анатольевне и Заккари Кверти не родились бы.

Благодарю свою маму – главного критика в моей жизни, за дружественный творческий посыл, и побуждение к саморазвитию.

Слова признательности семье Корневых, ее друзьям и родным, которые стали мне особенно близки.

Отдельное спасибо тем светлым людям, продолжавших освещать мой путь с разных уголков моей Родины, а также Франции и Мексики. – Елена Г., Владимир С., Яна М., Артем Б., Светлана Ю., Роман Г., Катрин Л., Монсерат Р. Я благодарен вам за вашу значимую роль в моей жизни, и ваше сохранившееся доброе расположение ко мне.

Наконец, я с большим уважением хотел бы отметить работу американских писателей и кинорежиссеров, вдохновлявших меня на выбор форм, стиля и динамики повествования в тот период.

Браво вам, маэстро!

Спасибо, друзья!

ВАШЕ МЕСТО В ЭТОМ
ВАГОНЕ

НОВЕЛЛА

Пролог

Она спешила со всех ног. Перешла почти на бег, но бежать долго не смогла, поэтому поочередно меняла темп передвижения, тяжело дыша. Вокзал был недалеко, и это придавало Ей сил, заставляя двигаться дальше как можно быстрее.

Зимой солнце, как и медведь, любит долго поспать, а потому встает поздно и ложится рано; вот и сейчас, оно, коварное, словно наперегонки с бежавшей, старалось достигнуть своего пункта назначения быстрее Нее – Она торопилась на поезд, солнце за горизонт.

Однако, Та, что бежала в расстегнутом пальто, придерживая сумку на плече, так же упрямо не соглашалась сдаваться, несмотря на свой возраст, неудобную одежду и грязный снег, в котором утопали Ее ноги. Лицо Ее стало красным, как то самое солнце, прячущееся вдали. Она свернула на улицу, в конце которой находился вокзал. Им обоим – Ей и солнцу, оставалось немного.

Немного – это если у тебя остается запас времени.

А если его нет? Тогда даже длина собственного шага покажется бесконечно многим. Лучше всего это знают вице-чемпионы мира по легкой атлетике.

Женщина, которая бежала к вокзалу, легкоатлеткой не была, времени не имела, а дистанция была куда длиннее шага. Сегодня Она пыталась наверстать то, что очень долго упускала, предпочитая не замечать простой формулы преодоления пути – чем дальше ты недвижим сейчас, тем быстрее тебе придется бежать потом. Молодую, она не знала этого, как и не догадывалась куда, собственно, бежать. Теперь же, осознание пришло с ужасом от того, что путь был изначально неверен, и теперь нужно наверстывать то, на что совсем не остается времени.

Она примчалась на вокзал, махом пересекая его насквозь и через провожающих и встречающих, просочилась на перрон. Поезд уже готовился отбывать.

Сколько в жизни Она себя помнила – не любила таких, кем сейчас сама себе казалась. Ну, вот спрашивается: «Ты что, времени отправки не знала?»

«Знала».

«Не могла раньше выйти, чтобы как приличный человек, заблаговременно влезть в вагон и занять свое место в вагоне?»

Могла ведь...

Сейчас Ей предстояло занять именно эту незавидную роль, но выбора не было, как и времени медлить. Она активно заработала локтями, пробиваясь к вагонам.

Поезд рычал, фырчал, выпускал пугающие звуки, готовясь к отправлению. Последние пассажиры, толкаясь, залезали в вагон, таща за собой баулы, чемоданы, детей и других членов своих семей. Провожающие теснились снизу, крича наперебой, что-то важное, словно до этого у них никогда не было времени это сказать тем, кто их покидал; а уезжающие прощались с теми, кого оставляли, словно никогда больше их не увидят. По станции раздалось объявление отправления, и толпа загудела еще больше, еще усиленнее что-то крича в окна и размахивая руками, слезно заглядывая поверх голов впередистоящих. Из окон, такими же нестройными звуками на провожающих обрушалась волна гулких прощаний. Поезд был готов к отправлению.

Сквозь выкрики, поочередно с матерным уклоном, Ей удалось приблизиться к своему вагону. Она судорожным движением руки вынула затертый, словно ее ровесник, билет и протянула его проводнице, которая уже намеревалась забираться в вагон:

– Повезло вам, бабушка, мы почти без вас уехали.

Она широко раскрыв глаза, удивилась, не найдя что на это возразить. Ее дыхание, прерывистое и учащенное, сбило речь, а сердце колотилось, норовя выпрыгнуть из груди.

Проводница пропустила вперед своего последнего пассажира, а та одним ловким движением закинула сумку в тамбур и взялась за ручки. Оставалась лишь три три-четыре последних ступеньки. Теперь, после пройденного и пережитого, Ее ничего не могло остановить. Пока Она влезала в вагон, под безобразный фон криков, прощаний, и гул мотора, Ей захотелось еще раз оглянуться на проводницу. «Ваше место в этом вагоне» сказала та Ей. Такие простые слова, показались удивительно подходящими, а ее усталый взгляд запоздало знакомым. Поэтому, едва очутившись в тамбуре, Она скорее подняла сумку с пола, и обернулась. Может быть, хотелось последний раз посмотреть на город, который остался снаружи, и на людей, провожающих Ее и поезд.

«Поезд, действительно, едва не ушел без меня».

Обожженная этой мыслью, Она разом вспомнила, для чего так долго стремилось обогнать зимнее солнце, и почему непременно должна была успеть на поезд, а потому молнией прошмыгнула внутрь вагона.

Он был купейный, некоторые двери были уже закрыты, но Она, даже не обращая внимания на них, спешно направилась вдоль по коридору, пока не остановилась у одного купе, с цифрой четыре на двери. Это купе на первый взгляд тоже было закрыто, но подойдя, Она увидела, что дверь не до конца задвинута, а значит...

«Вот она, моя дверь».

Она еще постояла какое-то мгновение, возможно, стараясь восстановить сбившееся от бега дыхание, или не решаясь постучать. Сердце отбивало барабанную дробь, а ноги, так верно служившее Ей до этой секунды, сейчас отказывались держаться прямо. Поэтому, когда в конце коридора показалось движение и чей-то мягкий голос, Она резко распахнула дверь и целиком прошмыгнула внутрь.

Стужа

– Ну, давай, рассказывай!

Женщина без возраста была полна и тучна. Бесформенна, как чехол дирижабля, она, однако же, довольно ловко перемещалась по всем десяти квадратным метрам своей кухни, насквозь пропахшей холодным супом. Женщина прытко сновала из стороны в сторону, суетясь и доставая из верхних полок чашки и блюда. Очень давно, будучи еще совсем юной, она волею случая стала работать проводницей на одном из самых долгих железнодорожных рейсов своей необъятной страны – сообщении Владивосток-Москва, где и задержалась до сих пор. За годы, проведенные в разъездах, она научилась жить в маленьких комнатных купе, питаться разогретой едой из полуфабрикатов и пить несладкий чай, но самое главное – она перестала бояться расстояний и считать время, потому что каждый рейс нивелировал ощущение разнообразия и сливался в одну сплошную полосу монотонности, под стать железнодорожному полотну.

Впрочем, ко всему привыкаешь, и к чаю несладкому, и к тряске вагона, и к перегару в тамбуре, поэтому и эта женщина перестала со временем замечать недостатки своей разъездной жизни. Возможно по этой же причине привычности, и менять она уже ничего не собиралась.

А сегодня же, очередным прохладным декабрьским днем, таким же похожим на остальные предыдущие, как и на все последующие – словно почтовые столбы за окнами купе, она намеревалась распить чаю в компании своей старой приятельницы, которая так же привычно сидела рядом, на низком стульчике, но о чем-то подозрительно молчала. Что, конечно, было из ряда вон любопытно!

– Я уже вся измучилась, заждалась тебя, – приговаривала она, по-хозяйски разливая чай в чашки. – Ты всё не приходишь, совсем не звонишь! Мне кто позвонит-то? Вот, наконец, вытянула тебя... Ну, давай! Тебе два сахара?

Та, что сидела на низком стуле, молча кивнула. Она почти ничего не произнесла с тех самых пор, как вошла в эту квартиру. Теперь она сидела в заношенных тапочках для гостей на неудобной жесткой седушке, которая была обтянута ярко-красной ситцевой тканью, где вся набивка сбилась в комья вокруг, по периметру. Она, бесцельно смотря в окно, наблюдала, как солнце лениво западает на бок. «И это в четыре-то часа... Как я сюда попала вообще? Кажется, ноги сами привели...», подумала она.

– Как хорошо, что ты зашла, а то бы еще неделю не виделись, – словно читая её мысли, ответила хозяйка. – Я весь телефон тебе оборвала, с пятницы пробивалась! Ты телефон отключила, что ли?

Предательское солнце почти скрылось за горизонтом, оставляя своей грустной зрительнице лишь маленькую полосочку бледно-желтого зарева, которое, кстати тоже постепенно растворялось вдаль, пока на ее глазах не исчезло совсем.

«Зимой от солнца ждать нечего. Даже красивого заката».

Она подняла голову вверх, и пока подруга лепетала что-то отвлеченно-оживленное, с интересом взглянула на сорокаватную лампочку на кухне – просто так, как есть, без плафона. Ей показалось, что зимнее солнце не лучше такой вот лампочки. Она даже сердито усмехнулась от такой бесполезности звездного светила в эту пору года.

«Кажется, я старею! Как надоело видеть эту тесную кухню, с этими столетними тарелками, с этими деревянными табуретками, с этим клеенчатым столиком, на который не опустишь локтя – прилипнешь! И эта! Ну сколько можно наливать мне этот треклятый чай! Я только позавчера вернулась с рейса, всю неделю литрами его заливала, и тут на тебе – приехала домой, и снова чай! К тому же, пить его невозможно, сахар стеклянный! Как все осточертело... Как будто я сижу в кино, где показывают один и тот же фильм, который мне не нравится,

и выйти нельзя, а только смотри по кругу... Где моя дверь? Вход ли, выход ли, но дверь... Куда стучать?».

Она очнулась от своих мыслей. Посмотрела на старую подругу. Успокоила мысли. Расслабилась. Она посмотрела на неё другим, новым взглядом. С интересом, каким смотришь на человека, которого видишь впервые. Присмотрелась, напрягая зрение, словно хотела что-то новое высмотреть, и – нет, ничего. Абсолютно.

– Верка, ты чего такая сегодня? Не отоспишься никак? Давай, вон, чаю вдарим, прибудришься. А хошь, я ликеру разведу, а?

– Нет, ничего... Не надо!

– А что тогда? Ну чего ты? Пришла в гости и молчишь. Ты что, про рейс не рассказываешь? Ехал кто? Ну!

Та не ответила. Она еще некоторое время посмотрела вперед себя, как будто за стеной что-то скрывалось, а она пыталась сквозь стену это «что-то» рассмотреть. Потом, опустив глаза, заметила новую затяжку на юбке.

«Ну вот же, блин!»

Подняла взгляд грустный и раздосадованный. Чуть левее от нее на противоположной стенке висел кухонный шкафчик с единственной ценностью в доме – чехословацким сервисом, Бог знает, когда привезенным, и Бог знает зачем до сих пор хранимый, неиспользованный, на кухне. В отражении стеклянных дверных створок, Вера увидела себя. Сутуло скрученную на стуле, с огромной чашкой перед собой, и в старомодной юбке с затяжкой сбоку, видневшаяся прямо оттуда. Отражение смотрелось настолько убого, что Вера даже не поверила, что в нем – она сама. Наконец она решилась.

«Эта юбка мне совсем не идет, подумала она, – приду домой, выброшу ее, к чертям!».

– Ну не хочешь гово...

– Знаешь, что я тебе сейчас расскажу, – внезапно перебила Вера, отставляя кружку подальше, – я тебе сейчас такое расскажу, ты в жизнь не поверишь! Веришь, нет, я сама себе не верю, что это все было! Со мною было! – ее глаза горели. Она встала с места и стала в проеме. Уголки ее губ дрожали, словно на грани истерики или срыва. – Это хорошо, что ты ликеру не доставала, а то подумала бы, что я пьяная, – вдруг она заливисто расхохоталась. – Короче говоря, выслушай меня до конца, и не перебивай, а потом сама решай – психичка я или нет, а-ха-ха! Потому что то, что я повидала за этот рейс – это сумасшествие какое-то, ни я, ни ты никогда в жизни такого не видали! – она расправила плечи, готовясь рассказывать, и снова встретилась взглядом со своим отражением в зеркале посудного шкафа напротив.

«Почему я так старо выгляжу...», отвлечено подумала она, но быстро спохватилась, – «Ну, в общем так...»

Утро

Вера Анатольевна была именно Анатольевной не по причине своего возраста или высокой должности. Ей и лет-то, всего ничего – не так далеко за тридцать, однако рабочего стажу на рейсе сообщением «Москва-Владивосток-Москва» уже набежало на целую жизнь. Оттого на работе «проводницу Веру» всегда величали по имени-отчеству. Впрочем, её это не смущало. Детская тяга к путешествиям, пускай и в очень уродливо искаженном виде, но таки воплотилась в жизнь, и теперь Вера Анатольевна по роду службы регулярно преодолевала больше десяти тысячи километров, по нескольку раз в год.

Работа не пыльная, а название так и вовсе почти достойное, да и железная дорога всегда в спросе: без работы не останешься, а с таким-то опытом и подавно. Со всех сторон, как ни посмотри, можно сказать, годно. Людей, опять же, разных насмотришься, а это будет «повеселей ваших сериалов». Порой, бывает, таких пассажиров Бог пошлет – всю ночь крестишься, как бы пронесло, не дай чего вытворят. Или наоборот, повезет, и смиренные попадутся, с ними и ехать на душе легко, и словом обменяться можно. Не соскучишься, одним словом.

Конечно, есть и минусы. Не высыпаться постоянно – весь день на ногах, а ночью так и вовсе дергаешься на каждой остановке. А если не на остановке, так от любого шороха или как мимо кто пройдет в туалет, так и хлопнет дверью перед самым ухом, как будто, нарочно!

«Да и разъезды эти...»

Организм за годы уже приучен спать и есть вне режима, а вот остальное... С ним, с остальным как? С такой жизнью никаких интересов и отношений заводить не получается. А если и повезет, да наклеиваться станет хоть что-нибудь, так об первый же рейс и разбивается безвозвратно любая влюбленность.

«Приедешь, а тебя уже не ждут, а если и ждут то не тебя, а кого-то другого».

И получается, что на работе спал в тесной комнатухе на полке, скрутившись, и дома спишь – так же одиноко, в маленькой квартирке, калачиком на холодной простыне. И сыростью в спальне дышишь, ведь даже цветка хорошего не заведешь, потому что поливать его будет некому.

***

Однако, в тот, ни чем не примечательный день, всё было по обыкновению суетливо, и таким разрушающим мыслям Вера Анатольевна, кажется, не предавалась. Пока на перроне громко объявляли посадку, она впускала в вагон своих новых членов семьи на ближайшую неделю. Как их много, и все такие разные: здесь и молодежь в модных одежонках, и люди семейные, чинные и степенные, а вот и люди постарше, кое-кто из военных, есть и с коляской, в общем, народ, как обычно, разношерстный.

Потому и обычного солдата, (вернее уже дембеля, так как грудь, разухабисто украшенную аксельбантами, он горделиво выпячивал вперед колесом) Вера Анатольевна просто пропустила внутрь, кинув беглый взгляд на его выглаженную форму и едва взглянув в протянутый билет, механически произнесла:

– Место тринадцать, купе четыре.

В купейном вагоне, конечно, ездить лучше. И пассажирам, и проводнице, кстати говоря. Это, в конце концов, цивилизованнее. Несравнимо лучшие ощущения испытываешь, идя по ковровому коридору, вежливо постукивая в прикрытую дверь, нежели просачиваться через свисающие ступни и выпирающие колени пассажиров плацкарта, ощутив всю гамму скверновоний и обрывков чужих разговоров:

– ... подсаживаешь на крючок, блин, а рыба, я те говорю: вот такенная!

– Да гонишь!

– ... буду! Чтоб я сдох!..

Или дальше:

– ... послезавтра уже буду, посиди с малым. На молоке вари, слышишь? И не бери его к себе с перегаром, понял?..

А в конце:

– Ба, купи мороженку!

– Сиди тихонько, не лазай, где дядя сидит. Поедем, куплю.

– Ба, ну купи! Мороженку! Ну, ба...

Настроение у Веры Анатольевны было хорошее, весеннее. Раздав белье и кому надо чай, а также собрав у пассажиров билеты, можно расслабиться до следующей остановки. На этот случай у Веры Анатольевны было припасено овсяное печенье и стопка японских головоломок судоку. В таких случаях она прикручивала радио, чтобы в тысячный раз не слушать «Мертвых душ» Гоголя или «Войну и мир» Достоевского.

Не прошло и получаса спокойствия, как в приоткрытую дверь энергично постучали:

– Здрасьте вам, барышня! А чего это у вас чай такой не сладкий?

Голос был молодой, дерзкий и неоправданно жизнерадостный. Вера Анатольевна моментально встала с полки, всунула ноги в тапочки с затоптанными задниками и заняла оборонительную позицию:

– Нормальный чай, сладкий. Слаще только дома!

У двери стоял тот демобилизованный солдат.

«Ах вот почему! Ну понятно».

Солдат был молод, коротко стрижен, и широк в плечах. И хотя его голос звучал слегка нахально, в нем, однако, не было хамства из подворотни, к тому же, кажется, он демонстративно поддался и пошел на попятную:

– Ладно, раз так дайте мне два сахара. И чаю еще.

Он мог бы оставить свой стакан с подстаканником и вернуться в свое купе, тем самым прекратив историю в самом ее зародыше, однако же, он, видимо желая ее развития, остался стоять на месте, ожидая продолжения действия прямо здесь и сейчас. Словно, желая задержаться подольше, он по-хозяйски прислонился к дверному косяку купе проводницы, с интересом наблюдая за сложившейся ситуацией и растущему недоумению Веры Анатольевны. Его голубые глаза быстро окинули взглядом ее маленькое купе, пока она поспешно, а потому слегка неловко полезла за чайными принадлежностями, и, даже стоя к нему полубоком, Вера Анатольевна, почувствовала как всюду проникает его цепкий взгляд. Фоновой мыслью стала стыдливость за разбросанные вещи и беспорядок.

«Надо немедленно его выставить».

Однако она отвернулась еще больше от него, чтобы скрыть краску, которая прилила к лицу.

– А печенье у вас почему? – послышалось позади.

– Шестьдесят рублей, есть дорогое за девяносто пять, – механическим голосом ответила она, хотя ей было все труднее сдерживаться, – вот ваш чай. Кипяток за спиной.

«Сам нальет, наглец», – решила Вера Анатольевна, звонко опустив два кусочка рафинада в большой стакан в подстаканнике.

– А ваше по чем? – неопределенно спросил он, указывая взглядом на столик позади нее.

– Что «по чем»?

– Печенье.

Она поняла. Сначала она сделала едва заметный рывок в сторону столика, чтобы накрыть злосчастное овсяное печенье журналом с судоку, и выставить наглеца за дверь, а уж в коридоре поговорить с ним так, как обычно разговаривают с пассажирами «проводницы за сорок пять».

«Вот сукин сын! Еще в сумку мою нос свой орлиный засунь! Вот его я тебе сейчас и сверну!»

Подумав так, она, однако этого не сделала, что еще раз продолжило жизнь истории. В конце концов, сорвавшись на этом юнце – Вера Анатольева со всей очевидностью проиграла бы этому энергетическому вампиру. Они даже полпути к Владимиру не прошли, а начинать рейс со скандала – примета плохая, к добру не приводит.

«Я вот посмотрю, когда ты выходишь, гаденыш, там и поговорим!»

Вместо этого, придав голосу как можно больше убедительности, она ответила:

– Этого печенья нет в продаже. Оно собственное. Еще есть вопросы?

– А-а... «Собственное?» Так, значит, оно ваше? – он не унимался и еще мечтательно протянул «м-м-м», недвусмысленно рассчитывая на угощение.

«Это уже слишком, молокосос!»

Вера Анатольевна резко направилась на него, всем видом показывая, как решительно она намеревается выйти из купе. Однако этот ухмылок, даже не подумал отступить! Он только отшатнулся на полкорпуса, уступая ей проход в коридор, а сам и шагу не сделал, продолжая упираться плечом в дверной косяк. Этого же Вера Анатольевна не предвидела. В ее планы не входило выйти в коридор, а позади себя оставить незнакомого нахала почти что внутри своей неубранной обители. При таком раскладе лишней, в коридоре, становилась одна. Кроме того, возможность натолкнуться на его не отодвинувшееся полностью тело, инстинктивно оттолкнула её начавший движение корпус в противоположную сторону, и дальше, годами выработанная грация, окончательно покинула Веру Анатольевну. Она так быстро выскользнула из своего маленького купе, теряя равновесия и ища руками опору, «как тот ваш физик», что и опору не нашла, и еще зацепила ногой край свисающей простыни со своей кровати, и, полупадая, буквально, вылетая в коридор, как пьяный матрос на палубу. Следом за ней, зацепившись за босоножек в коридор потянулась и простынь. Тапочек в результате всех этих кульбитов таки слетел и остался позади прямо у ног этого улыбающегося дьявола со своим несладким чаем.

«Черт! Все сегодня наперекосяк! Слава богу, хоть не распласталась».

– Ой, Золушка, вы тут потеряли. – Усмехнулся он, указывая на ее обувь.

И хотя Вера Анатольевна не поднимая головы, наскоро просунула ногу внутрь и поспешно принялась, скомкивая, собирать простыню с пола, она чувствовала, как потешается этот индюк.

«Издевается, мерзавец! Ну-ну. Я тебе в следующий раз в чай наплюю, гаденыш. Попьешь еще!».

Красная, Вера Анатольевна, махом закинула простыню прямо в дверной проем, и тут же резко потянула дверь, со всего разгону закрыв ее перед самым носом этого самодовольного наглеца.

– Все, меня перерыв! До свидания.

«Так тебе, умник!»

Теперь, когда дверь заперта, Вера повернулась к тамбуру с видом, что ей там нужно кровь из носу совершить нечто важное. Например, проверить на месте ли стоп-кран.

– Вы знаете, а дайте мне, наверное, три сахара. Что-то он у вас на стекло похож.

Этот самоуверенный голос излучал не только самую наигранную дружелюбность в мире, но еще и явственно сквозил нотками издевки.

«Черт бы тебя побрал, мерзавец, ну я тебе сейчас!»

– И, кстати, печенье тоже, которое самое дорогое, – он добавил ровно в ту секунду как ее и без того красное лицо вспыхнуло еще больше, – раз ваше не продается.

Их взгляды встретились лишь на секунду – её горящие глаза, которые, казалось, хотели испепелить объект своего созерцания, и его, холодный, пронизывающий взгляд, в глубине которого сидел маленький сучающий чертенок. Ровно секунду спустя, как их взгляды встретились, он полузаметно улыбнулся:

– Будьте так добры, – и снова, поморщившись, отпил.

«Лучше отдать ему сахар и печенье, и все что ему надо, иначе он меня просто не оставит в покое. Он забавляется, видно, как ему это нравится. Ладно!»

– Да, конечно. С радостью, – и повернулась к двери, – вы можете вернуться к себе, я принесу вам.

– А мне нетрудно подождать.

«Вот же сволочь!»

Правда эта мысль, уже привычная для Веры Анатольевны, сменилась другой – необъяснимой. Дверь не поддавалась.

– Да что с ручкой-то? – она вцепилась в ручку обеими руками, и начала сильно трясти ее вверх-вниз, однако, дверь не поддавалась.

– Вы не переживайте так.

– Блин! Слушайте, хватит, а? Отойдите в сторону с вашим чаем, не до ваших сейчас ухмылок! Что-то с замком...

– А что с ним? – он участливо заглянул ей за плечо, громко отпивая из стакана, с захлебом. – Заело, да?

– Не видно что ли! Так слушайте, – она начала раздражаться, – хватит, уже. Идите к себе в купе, я принесу вам и чай и печенье... – он не шелохнулся, – места и так нет, он еще тут со своими вопросами.

– Если хотите знать, я думаю дело вообще не в замке. – и тут же замолчал.

Он получал удовольствие, едва скрываемое, наверное, так он полнее ощущал себя на свободе, на гражданке. А возможно, таким он был и на службе, кто знает. Мерно помешивал ложечкой пластмассовый сахар, он выжидательно наблюдал, как она успокоительно выдыхает, справляясь с эмоциями и подавляя гнев. Вера Анатольевна, сидя на корточках, то безрезультатно дергала ручку двери, то заглядывала в скважину в надежде что-то увидеть и понять. Дверь даже с места не сдвинулась. Ничего не поделаешь, пришлось ей таки обернуться:

– Ну и? А в чем тогда?

Помолчав, он все-таки ответил:

– В двери.

– И что с ней не так?

– А как по-вашему? Она не едет.

– Серьезно? Очень смешно. Спасибо за подсказку. – и она снова повернулась к ручке и скважине.

– Не ломайте вы ручку, с ней все нормально, вы же не закрывали дверь на замок, ведь так? Дверь не съедет, потому что, вот, – он показал вниз, – в пазы попала ваша простыня, с которой вы путешествовали по коридору.

Она посмотрела вниз и, действительно, небольшой треугольник ее простыни белел у края двери. «Как это я сама не заметила?».

– Вы, наверное, на что-то отвлеклись, и не заметили, – подсказал он, и это разозлило ее еще больше.

– И что теперь делать? – она снова от бессилия подергала ручку.

Наконец он шевельнулся. Спокойно поставил полупустой стакан на пол, отошел от косяка и наклонился к ней, все так же сидящей на полу:

– Давайте, помогу?

*****

Она опустила подножку и закрыла дверь вагона. Мельком взглянула в стекло на пустой перрон и отвернулась. Убедила себя, что сделала это случайно, ненароком. Поезд тронулся, и она вернулась к себе в купе.

Села и стала осматриваться вокруг. Ей все показалось очень смешным и забавным: судоку, недоеденное печенье, стаканы, ромашки... Почему?

«Наверное, он так и видел меня».

Но затем пришла другая мысль, более приземленная: «какой у меня беспорядок, надо прибраться... Чтобы впредь простыней полы не вытирать». Мысль едкой само иронии вытеснила настроение весенней безмятежности, навеянного последними часами общения с Шурой.

«Хм...»

Расставляя на столике вещи, она наткнулась на стакан с водой, в котором стояли полевые цветочки. Ромашки, синюшки, колокольчики. На каком-то коротком полустанке он спрыгнул нарвать ей цветов, а потом, ничего не произнеся, подарил букет, добродушно улыбаясь своей озорной улыбкой.

Теперь, спустя столько времени проведенного вместе (хотя на самом деле знакомы они не более суток), она лучше узнала этого смешного солдата. Он был совсем не похож на всех тех служащих или уже отслуживших, которых она видела на работе и в жизни. Добрый, веселый и... интересный, он излучал, не превосходство и самоуверенность, как она подумала сначала, а самодостаточное спокойствие и, как ни удивительно, веселую самозабвенность. Такой редкий набор качеств, для мужчины его возраста, не прошел не отмеченным ею, и поэтому, Вера Анатольевна (хотя он панибратски называл её Верунчик) прониклась к нему дружеской симпатией. Безусловно, она обязана ему за помощь с дверью, которую он быстро вернул в рабочее состояние. В благодарность за это пришлось угостить его действительно сладким чаем и своим овсяным печеньем. И пускай дело даже не в двери и ее починке, но ведь именно благодаря ей они познакомились, и даже сдружились – за чайными посиделками. Она с большим удовольствием слушала его армейские истории: временами хохоча над, вероятно, придуманными случаями из десантной службы, и искренне восхищаясь его, еще более вероятно сочиненным, рассказам о прыжках с парашютом. За несколько часов, проведенных в его купе, за маленьким столиком, уставленным чаем и всевозможными печеньями и пряниками, она, казалось, узнала этого случайного пассажира, намного лучше и больше чем многих людей, которых считала своими близкими подругами. «Удивительно целостный и хороший парень», думала про себя Вера Анатольевна, когда он заботливо добавлял ей чаю, с интересом рассказывая о городе, где он живет. Хм, он и в гости ее приглашал ведь:

– Вот ты, Верунчик, всю Россию уже объездила, каждый город знаешь, так?

– Ну что ты, какое там. Я же нигде не бываю, так только, проездом...

– Ну, так заезжай ко мне в Новгород, ты знаешь как у меня красиво! Приеду, с отцом дом достроим и тебе целую комнату выделим. Город – красота, Волга, лес – всё есть. На природу поедем!

– Смешной ты, Шурик!

Вера Анатольевна задумалась, поглядев на ромашки. «Повезет кому-то...». Она вспомнила, как внезапно он замолк и стал грустным, когда объявили его остановку. Он долго не говорил ни слова, только поджимал губы, а ей так хотелось смеяться, и обнять его, поцеловав в лоб. Так толком и не попрощавшись, он сошел на оживленный перрон своего города, да так и не сдвинувшись с места, стоял, не поднимая головы, провожая исчезающий вдаль поезд. Только увидев его по другую сторону закрывшейся двери, Вера Анатольевна поняла, что его никто не встречал, и пожалела, что смеялась. И что не обняла.

Май

Который был час, она сразу не разобрала, хотя за два ночи перевалило совершенно точно. Она хрипло крикнула «Щас!» и поспешно застегнула пуговицы на рубашке. Обула тапочки и открыла дверь.

Свет из коридора был тусклый, и она не смогла разглядеть лицо пассажира, хотя определенно это был мужчина, явственно нервничающий.

«Наверно он долго меня тут будил. И чего ему?»

Со времени отправления уже прошло более двух суток, и если не считать приятного кратковременного знакомства с Шурой, весь путь на восток проходил обычно, рутинно. Были ненормальные пассажиры, которых приходилось усмирять, были крикливые детеныши безответственных мамочек, были скучающие алкаши, которые на каждой станции набирали пива и чего покрепче, и закрывались у себя в купе, заливая алкоголем однообразные часы путешествия. Но в целом все шло спокойно, без драк, ссор и криков, как это обычно бывает на таких долгих рейсах, когда есть много времени поговорить по душам со своими родными и близкими. Хотя, справедливости ради, скажем, что у Веры Анатольевны таких случаев и не бывало во общем-то, пожалуй, никогда. И пускай поначалу она их жутко боялась, но со временем не без разочарования сокрушалась, что даже какого-нибудь сорвавшегося пьяницы в ее вагоне не завелось.

«Снова все будут расспрашивать, и снова будет нечего рассказать. Я самая скучная проводница на свете. У всех что-то происходит, даже если это электричка Москва – Ярославль, а у меня...».

И вот посреди ночи этот назойливый стук. Такой бывает только в случае непредвиденного форс-мажора.

– Да... слушаю ва...

– Вы позволите войти? – голос был встревоженный, и совсем не сонный. Мужчина воровато обернулся на пустой коридор, и аккуратно вскользнул внутрь её купе.

– Это как пони... Пассажирам тут... Мужчи... – она, моментально просыпаясь, опешила от его бестактности.

– Пожалуйста, не прогоняйте меня. Выслушайте лишь, и, умоляю, говорите тише. Только сначала закройте дверь. – на этих словах он сам закрыл дверь и присел на её разложенную полку. Ей ничего не оставалось, как остаться стоять напротив, совсем рядом с ним. Она зажгла свет. Его лицо было желтым то ли от тусклой лампы ее купе, то ли действительно от какой-то тяжелой болезни. Он был широк в плечах, и ему было заметно тесно в ее маленькой комнатке. Он ссутулился и говорил как будто в пол, хотя постоянно поднимал на нее свои глаза, единственное, что во всем его темном одеянии могло отражать свет. Взгляд был уставший и затравленный, хотя не без живого благородства, отметила про себя Вера Анатольевна, так как ничего другого примечательного в его внешности не было:

– Что произошло?

– Я вам все сейчас объясню.... Вас как зовут?

– Вера. Анатольевна.

Он мог бы в ответ представиться тоже, это было бы правильно и вежливо, но вместо этого, он, кажется, обрадовался:

– Какое красивое имя! Какое нужное.... Мне нужна ваша помощь, Вера.

«Из какого он купе...», – цепкая память на лица и даже имена Веры Анатольевны не очень хотела работать в такое неподходящее время, но лицо ей определенно казалось безосновательно знакомым.

«Кажется он из того купе, где одиночки едут».

Такое случается нечасто, пожалуй, даже совсем редко, однако на этом рейсе Вере Анатольевне один раз уже так повезло. Вернее, ее пассажиру. Представьте себе, самый долгий переезд на всю страну, и тебе не с кем слова молвить! Днями сидишь в пустом купе и смотришь в окно на бесконечные поля и пролески, и все это в совершенном, то есть полном одиночестве – ужас, какое невезение! Даже сама она – Вера Анатольевна, человек абсолютно одинокий и любящий уединение, сочла бы это наказанием, а тут... В этом кстати купе вчера ехал Шурик, благо ему было недалеко и он сошел уже через шесть с половиной часов. Слава Богу, с ума со скуки не сошел. От воспоминания смешного солдата у Веры Анатольевны потеплело на душе: «Вот почему он ко мне пристал со своими разговорами, мерзавец! От скуки!»

– Чем я могу помочь? – участливо, и даже с некоторой теплотой в голосе спросила Вера Анатольевна. А сама подумала «Надеюсь, он-то не со скуки ко мне заглянул». И одернула себя, мол, бред.

– Дело очень деликатное, мне неудобно вас просить, но у меня, кажется, нет выбора. – он совсем опустил голову, – Я попал в дурацкую ситуацию, и виноват в этом сам. Не буду вас нагружать ненужной информацией, в общем... Как вы знаете через 24 минуты остановка... уже через 22.

Вера Анатольевна машинально взглянула на часы – действительно, скоро прибытие в Канск.

– Поэтому я и зашел к вам, наверное, уже многие не спят и собирают вещи.

Вера Анатольевна не поняла, это он объяснял ей свое поведение или задал вопрос, поэтому она на всякий случай ответила:

– Нет, немногие. Одно купе сходит, по-моему.

– Один? Это моя остановка. – пояснил он. – А других сходящих тут, получается, нет?

– Скольким тут нужно выходить, по-вашему? Все в Красноярске вышли – подавляя зевок, ответила она. – У нас, по-моему, ближайшие потом выходят утром, уже в Тайшете.

– То есть, никто не выйдет из вагона до самого утра? – в его голосе снова прозвучали непонятные волнения: то ли от тревоги, то ли от радости.

– Ну почему... Короче, дверь открываются в любом случае. – Она начала раздражаться, от непонимания ни ситуации в целом, заставившей ее проснуться на двадцать минут раньше, ни от своей роли в ней. – А в чем дело-то?

– Понимаете, это действительно моя остановка. – она внимательно смотрела на его усилия выдавливать из себя слова. – И меня там, наверняка будут ждать. – он снова затих.

– Молодой человек, если вам нужна моя помощь, говорите отчетливо и быстро, вы разбудили меня чтобы ямлить? Что вам нужно? – не вытерпела Вера Анатольевна. Кажется, на него подействовало.

– Да-да, только ради Бога, тише. – было видно как он собирается с духом, – как я уже говорил, я попал в дурную историю, и мне грозит в лучшем случае суд. Едва ли меня пожалеют и дадут хотя бы условное, поэтому я бы хотел избежать такого исхода... О нет, не подумайте, я не убийца и не вор, нет! Я простой вальщик мяса. Я... дурак. У нас на рынке крышует один, Игоревский фамилия, вот он действительно в законе и все дела. В общем, там долго рассказывать, я с ним схлестнулся, вернее, даже не с ним, а с его отморозками бритыми. Слово за слово, мне бока помяли, и щеку вот. – он подставил щеку, где видимо должен был находиться след шрама, но в такой полутьме Вера Анатольевна ничего особенного не заметила. Она внимательно слушала, как он продолжал, – ну и я одному из них там сломал челюсть. Я не хотел, это вышло случайно, – он, будто, оправдывался, – и в общем, потом, спустя несколько дней у дома еще встретили, хотели поломать наверное, до конца. Но я опять, какому-то из них арматурой колено, вроде бы, перебил. Хорошо, родители в деревне живут, недалеко тут, сто километров, у них там дом свой, вот я от них и еду. – он снова замолк, как бы пересиливая себя. – У меня там под половичком в бане... вот, – он полез во внутренний карман пиджака, и вынул на свет,

Вера Анатольевна ахнула – пистолет, и продолжил, причем уже ровно и почти спокойно, – вы не бойтесь, прошу вас. Я злого ничего делать не хочу, это, – он указал на пистолет, – обычный травмат, им покалечить можно, а убить нельзя. Ну почти. – он повертел его в руке.

– Уберите это немедленно!

– Я был в армии, держал оружие, – кажется, на нее этот факт не подействовал, поэтому он послушно спрятал пистолет назад внутрь.

– Короче говоря, меня там караулят сейчас. Они знают, что я на этом поезде еду и знают, что он через 15 минут прибывает.

– Давайте я сообщу в полицию? Объясню, вас встретят.

– Нельзя! Нельзя в полицию, у этого Игоревского свои люди и среди ментов, они его прикрывают, иначе он бы давно уже сам загремел. Прокурор тоже его человек, меня быстро загребут и в лучшем случае... Хотя зачем им я в тюрьме? – он посмотрел сквозь нее вперед, глаза сделались стеклянным и потеряли свой блеск. – Скорее всего, так кончат.

– Зачем же вы туда возвращаетесь?! Как вы будете дальше там жить?

– Мне всего на один раз нужно домой заглянуть. Понятно, что путь мне туда заказан, но если сейчас они встречают меня тут, на станции, значит у дома сейчас должно быть пусто. Пока они поймут, что я сошел раньше или не сошел вообще... Это лишние полчаса. Мне нужна заминка во времени, чтобы я мог зайти к себе и собрать все необходимое. – он добавил спустя несколько секунд – я и пистолет взял, ну... так, на всякий случай. Вдруг все-таки поймают.

Они оба замолчали, думая о своем. Вера Анатольевна совершенно не представляла, как можно помочь в такой ситуации этому, кажется, совершенно незлому человеку, а сам он, вероятно, рисовал в своем воображении сцену, когда он сойдет с подножки поезда.

– У нас осталось совсем мало времени. Через двенадцать минут поезд прибывает. Я вынужден просить вас, Вера, открыть мне дверь.

– Что?! На ходу?

– Да, Вера. Не перебивайте только. Впереди, – он глянул снова на часы, минут через 7, будет достаточно крутой поворот. Поезд будет сбрасывать скорость. Железная дорога там идет на искусственном пригорке из гравия, с одной стороны заканчивается лесополоса, а с другой стороны уже виднеются первые загородные домики. Вы откроете мне дверь с внешней стороны поворота, чтобы машинист не увидел меня в боковое зеркало, когда будет смотреть на хвост состава. Я спрыгну, спрячусь в деревьях, пережду, пока вы проедете, и побегу к себе. У меня будет 5 минут времени, пока поезд приедет на станцию, минуты 2—3 пока они будут меня искать тут. – он запнулся. – Возможно, Вера, они будут спрашивать у вас обо мне. – он замолчал, но она и так поняла просьбу. Однако, он произнес неожиданное, – Пожалуйста, не верьте им. – он поднялся и взял Веру за плечи.

– О боже, да какая разница! Как вы будете прыгать? Я...я не могу, вы убьетесь!

– Надо подобрать момент для прыжка, поезд на повороте будет идти со скоростью 20—25 километров в час, не более.

– Но там же высоко! – она смотрела ему в глаза снизу вверх. Они снова блестели.

– Думаю, я выживу. Бывали высоты и пострашнее. – он улыбнулся. Впервые за все эти несколько минут в её купе. – Пойдемте, Вера, нельзя терять ни минуты. Поворот уже совсем рядом.

Они вместе вышли из купе. Вера Анатольевна, совсем ошеломленная, вся в смятении вышла первой, и тоже, как он, кинула взгляд назад на коридор, все так же безмятежно сонный и пустой. Дала ему знак, мол, можно, и он вышел. Они быстро прошли в тамбур и закрыли за собой дверь. Она стала у двери, а он остался чуть позади, контролируя в оба окошка возможное перемещение случайных пассажиров.

– Я вас еще раз убедительно прошу, одумайтесь. Давайте вместе что-нибудь придумаем! – Вера Анатольевна, совершенно не могла представить себе, какая жизненная ситуация может

заставить такого хорошего человека бросаться прямо камнями с идущего поезда. Она добавила –
Прошу вас!

– Вера, вы чуткий человек, – он взял ее за руку, – я и не ожидал, что вы так сразу примите мою сложную ситуацию и поймете все, без лишних слов. Спасибо вам за это понимание и готовность. Но, честное слово, у меня другого выхода нет, мне нужно рискнуть сейчас, чтобы остаться в живых потом. Поэтому... – он показал взглядом на дверь.

– А куда вы потом? Как дальше? – она не сдвинулась с места, хотя в тамбуре, было очень ветрено, а на ней была лишь тоненькая рубашка.

– Соберу вещи и на север. На прииски какие-нибудь.

– На север?! – она даже расстроилась. – Как далеко... Я надеюсь, вас там оставят в покое, и у вас все будет хорошо.

– Спасибо вам, Вера.

Больше говорить было не о чем, поэтому, во избежание неловкой паузы, Вера Анатольевна, развернувшись к двери. Через несколько секунд холодный ночной ветер ворвался в тамбур и их голоса перестали быть слышны. Он что-то силился ей сказать, но перекрыть ветер, в такую пору и в такой момент было неразумно. Поэтому он просто кивнул ей и кротко улыбнулся, а она стояла, потупив в растерянности голову, не зная, поступила ли она правильно, и спасет ли она этим человеку жизнь или, наоборот, толкает его на погибель. Через мгновение поезд начал замедлять ход и входить в поворот. Вера Анатольевна пропустила его вперед, и он, взявшись за ручку, стал выглядывать из вагона. Огляделся по сторонам, сел боком на ступеньки и его почти перестало быть видно, нижняя часть тела терялась где-то далеко внизу. Он еще раз обернулся к ней, и свет луны осветил его лицо. Оказалось, что ему на вид лет около тридцати, причем снова подкатило секундное ощущение далекого знакомства, но в следующее мгновение оно улетучилось, когда он, ловко спрыгнув со ступенек, отсоединился от состава и мгновенно исчез где-то внизу, во мгле. Вера Анатольевна испуганно подбежала к краю, бесполезно пытаясь высмотреть в ночи хоть какое-то движение или блеск. Однако шум колес и свист ветра заглушал любые звуки, доносившиеся извне, а луна, словно по договору, заплывая за облако, скрыла следы того, кто так жадно хотел спрятаться в ее бесконечной тьме. И она успокоилась.

*****

Когда поезд остановился в Канске, а она, совсем незаспанная, открывала дверь вагона, и в него вошли четверо вышибал под два метра ростом – она не переставала думать о нём.

И когда они обнаружили открытое окно в его купе, и постельное белье, оставшееся нетронутым и холодный не надпитый чай – она думала о нем.

И когда они искали его, рыская по вагону, матерясь и заглядывая в туалет, и ее купе, и даже отсек для использованного белья – она продолжала думать о нем.

И потом, когда поезд снова тронулся, и через дверь было видно, как они звонят кому-то по телефону – она все думала о нем.

Думала о нем, отсчитывая время, и надеясь, что он сумел добежать до дома, никем не замеченный, а потом благополучно покинуть этот маленький городишко, ставший для него опасным. Она почему-то была абсолютно уверена, что он смог удачно приземлиться. Хотя, возможно, и внушала себе это. Во всяком случае, так хотелось бы в это верить, что он цел и невредим. Ведь тогда, возможно, когда-нибудь...

Она разжала кулак и под тусклым светом своей лампочки еще раз, уже, наверное, десятый, прочла написанное: «До когда-нибудь, Вера. А.». Это лежало у нее на столе, когда она вернулась с тамбура. Она улыбнулась и положила листок себе под подушку, а потом легла спать, желая всей душой покоя и сохранности этому доброму человеку на его тревожном пути.

Лето

Поезд стоял в конечном пункте маршрута – палимый солнцем Владивостока, он ожидал когда машинисты погонят его назад, на Москву.

Сделав шестисуточный марш-бросок через всю Сибирь, пересекая Байкал и выходя на просторы дальнего Востока, поезд набирался сил, восстанавливал дыхание и затаенно ждал самого неприятного участка пути – возвращения.

«Теперь ровно столько же, только назад. Это как предел траектории бумеранга, или пружины, когда ты находишься в максимальной точке, но это совершенно не есть твой конец. А наверное, что-то в этом все-таки есть – заканчивать на пике, на максимуме. Но нет, моя пружина меня утянет назад».

Вера Анатольевна предавалась грустным мыслям, навеянных усталостью и прогуливалась по городу. О Москве она старалась не думать, и как могла отказывалась проводить параллели между своим городом и пружиной. Взяв с собой легкую вязаную кофточку, которую из-за невыносимо жаркого воздуха не пришлось надевать, она наслаждалась ощущением долгожданно возникшей свободы.

Можно носить обычные, человеческие вещи. Ее железнодорожный пиджак ожидал ее в свежубранном купе проводниц, и пока поезд не тронется можно мнить себя свободным человеком, не стянутым обязательствами сопровождающего.

Можно ходить, где вздумается. До отбытия еще полно времени, и Вера Анатольевна, встав пораньше, улучила возможность походить по просторному портовому городу, где осознание края Земли кружит голову.

«Да, в тесных купейных коридорах тоже голова кружится, только наоборот...»

Предаваясь молчаливым размышлениям, она обнаружила, что ноги, сами того не желая, привели ее к вокзалу, откуда даже с соседней улицы доносились надоевшие ей неразборчивости о прибытии и отбытии.

«Ну уж нет! Пока еще туда рано. Надо хоть надышаться воздухом, перед заправкой».

Решив так про себя, Вера Анатольевна прошла мимо вокзала, и завернув за поворот, забрела на соседнюю улицу.

Широкий проспект заканчивался в конце гущей высоких тополей, куда решительно направилась Вера Анатольевна, желая последние пару часов до отбытия провести среди природы.

Подойдя ближе, она обнаружила сквер, небольшой, привокзальный, но достаточно уютный и малообитаемый. Слышны были голоса птиц наверху, которые почти полностью заглушали доносившиеся объявления. Вера Анатольевна присела на ближайшую скамейку под деревом, и закрыла глаза.

Сосредоточилась на ощущениях.

«Если бы я была птицей-проводницей, я бы пела песни, или, как эта, неразборчиво объявляла в громкоговоритель?»

Легкое дуновение ветерка приятно щекотало ее предплечья, и она поняла что засыпает, только когда из рук выпала вязаная кофточка. Резко раскрыв глаза, и осмотревшись по сторонам, она заметила незнакомца, приближающегося к ней, а уж потом обнаружила, что кофта-таки свалилась на пол, под ноги. Вера Анатольевна подобрала ее, силясь понять сколько времени прошло, с тех пор как она села на лавочку.

«О боже, часы в пиджаке. Не идти же на вокзал, чтобы узнать время... Я ведь только чуточку погулять думала, господи, как я могла так выключиться?»

Когда прохожий мужчина поравнялся с ней, она, вставая, спросила:

– Простите, который час?

Он вежливо ответил, даже не глядя на часы:

– Ровно полдень. Смотрите не проспите всю жару!

И ушел себе.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила Вера Анатольевна то ли за совет, то ли подсказанное время, и снова присела на лавку, уже на самый краешек, чтобы не провалиться в коварный сон.

«Господи, до отбытия еще целая вечность... Я ужасный паникер. Хотя, рискованно оставаться, еще, чего доброго, опять провалюсь в сон... С каждым годом все тяжелее переношу эти рейсы. Старею, что ли?».

Вера Анатольевна встала, и посмотрела по сторонам – сквер был так красив своей безлюдностью, что терять такое ощущение изолированности от людей, когда кругом столько дней сновали однообразные лица, было бы равносильно глупости.

«Рай для моей интровертности»

Она ходила по этому скверу бесцельно, еще с целый час, неспешно наматывая круг за кругом, удивляясь, как это никому из местных жителей не хочется просто побродить, как она, среди высоких тополей.

«А я ведь и сама, сколько езжу, а сюда ни разу не заходила. А что я делала в прошлый раз, когда мы тут стояли?»

Вера Анатольевна в размышлениях не заметила, как на одном из кругов, она буквально наткнулась на чьи-то ноги, бесцеремонно раскинутые едва ли не на пол тропинки, по которой Вера Анатольевна задумчиво шагала.

– Ой, простите...

– Простите...

Они сказали это в унисон, и посмотрели друг на друга. Вера Анатольевна поняла, что слишком быстро уходит в себя, к тому же настолько глубоко, что не замечает вокруг ничего.

«Это уже слишком, я очень быстро теряю реальность. Нужно прекращать витать в облаках»

Сейчас, едва не споткнувшись о чьи-то ноги в белых брюках, она вырвалась из мира своих мыслей, и машинально извинившись, подняла голову.

На скамейке сидел тот же, одинокий человек, которого она видела недавно, спросонья. Он же, наверное, увлекшись чтением, не заметил ее или предполагал, что женщина увидит препятствие и обойдет его, а она напротив, едва не наступив на его ноги, теперь смотрит на него так, словно он, нарочно собиравшись сделать прохожим подножку.

– Мы с вами виделись сегодня, – зачем-то констатировала простой факт Вера Анатольевна, пытаясь понять, почему и сейчас и в первый раз он ей показался странным.

Он убрал книгу и встал с лавочки, представляя перед ней в полный рост.

«А, ну вот почему!».

Этот прохожий выглядел слишком вычурно разодетым, вот почему. На нем были легкие летние туфли светло-бежевого цвета, аккуратно выглаженные белые брюки, светло-голубая рубашка, на вид, очень тонкая и легкий пиджак песочного цвета, в широкую клетку. На шее игриво был повязан платок в тон рубашке. Завершали его образ чудака-франта очки-хамелеоны и фетровая шляпа, которую он держал в руках. Было ощущение, что его одевали для съемок какого-то фильма, и он просто вышел между съемками почитать в тихом сквере.

– Я прошу еще раз прощения, так неудобно, – сокрушался тем временем он – я, кажется, тоже потерял чувство реальности, сидя тут, в тени.

– Ничего, бывает, – Вере Анатольевне хотелось еще посмотреть на его яркий наряд, однако, это уже выглядело бы неприлично, поэтому она, сделав полукивок, пошла дальше.

– Разрешите вас чем-нибудь угостить! – прозвучало сзади, он сделал шаг в ее сторону – Хочется загладить вину.

– Нет, что вы, какая вина, это я же чуть не налетела. Не надо, – поспешно отмахивалась Вера Анатольевна. Ей стало неловко, внутренний голос закричал что-то еле слышимое, согласительное, но она, мешкая, выпалила первое, что пришло на ум, – славные тут у вас места. Красивый скверик, опьяняет.

Вера Анатольевна поморщилась. Из всех слов она выбрала «опьяняет». Прекрасно. А ведь этот молодой человек не лишен привлекательности, зачем же при знакомстве сразу употреблять именно такие глаголы. Хватило бы просто «красиво тут, а что еще можно посмотреть?». Слава богу, этот парень оказался настойчив и разговор продолжился:

– Вы у нас впервые?

– Не то чтобы... я проездом.

– А-а... вы, получается, московского поезда ждете? – он кивнул в сторону вокзала.

– Да. Как вы поняли?

Вера Анатольевна даже интуитивно подняла руку, на то место, где у нее был вышит железнодорожный лацкан на пиджаке. Нет, все верно. Пиджака на ней нет.

– Я тоже жду этот поезд. Давайте ждать вместе. Здесь совсем рядом есть хорошее кафе, в такую жару мороженое не помешает? Пойдем? – он обезоруживающе улыбнулся, приглашая следовать за ним.

«Ах ты, хитрый ловелас, – подумала Вера Анатольевна, – скольких ты уже такой улыбкой заманивал? Наверное, летят как бабочки на огонь... Пришла подышать воздухом, называется. Ладно, – внезапно еле слышимый голос подавил речь разума и в голове послышалось, – ведь он и не знает, что я проводница. Я же не в служебной форме. Пусть думает, что я пассажир. В конце концов, когда меня в последний раз куда-нибудь звали».

– Если это недалеко..., – кокетливо затанула она, но вожжи приспустила, и уступила право вести ему. Он оживился и грамотно поймал этот момент:

– Здесь за углом, чудесное заведение, там вкуснятины столько разной, я так сладкое люблю, не представляете. Все уже испробовал! Вам понравится, честно.

Она молча кивнула, надев на лицо скромную улыбку. Этого было достаточно, и они зашагали рядом в сторону оживленной улицы. Сквер и его высокие тополя постепенно оставались позади них, пока не уступили место широкой дороге и привокзальной улице. Тень и свежесть деревьев сменилась запахом жары, пыли и бензина, но эти двое не замечали ничего такого. Он, чувствуя себя вожаком-победителем, оживленно ей что-то рассказывал, то и дело, указывая то на улицу, то на дома (вероятно, стеснялся взять ее за руку, а идти «руки по швам» с дамой выглядело бы по-пионерски глупо). Она слушала его, внимательно заглядывая в его глаза, пока он энергично ей что-то рассказывал о том, как удобно расположен этот сквер для близлежащих домов, и как благоприятно влияет на вид с балкона эти высокие тополя, загораживающее пустоши с развязкой вокзальных путей.

*****

Сидеть вдвоем было приятно. Заведение, которое Александр называл «моя любимая кафешка», действительно, находилось совсем рядом, буквально за углом улицы, но собой напоминало ресторан с коротким названием «Ваше место». Вероятно, это действительно было его любимым местом, раз достаточно взрослого и, судя по одежде, состоятельного человека так забавляли «всякие пирожные и прочие сладости, которых там под завязку на любой вкус».

Внутри заведение оказалось абсолютно пустым – возможно, из-за аномальной жары и раннего часа все потенциальные проголодавшиеся прохожие еще сидели дома перед своими тарелками с окрошкой, обмахиваясь утренней газетой.

Внутри царил приятный полумрак, который сразу же расслабил глаза после палящего полуденного солнца, и погрузил своих новых гостей в викторианскую Англию. Во всяком слу-

чае, так подумала Вера Анатольевна, разглядывая старомодные канделябры, резное дерево на стенах и, причудливо подтянутые шнуры, шторами. Стены по периметру были заставлены пересекающимися полками, словно клетками, в каждой ячейке которой располагались три-четыре книги.

«Должно быть та, что была у него в парке, тоже родом отсюда. Интересно так – ресторан-библиотека»

Вдыхая запах свежей древесины. Вера Анатольевна восторженно провела рукой по столу, с аккуратной белоснежной салфеткой под старомодной настольной лампой:

– Как же приятно сидеть за настоящим деревянным столом!

– Выбирай место, а я сейчас подойду.

Он отошел к некоторому подобию барной стойки, которая так бы и называлась в каком-нибудь другом заведении, но здесь это больше хотелось называть хозяйским уголком, где не было никаких пошлых бутылок на полочках сзади, ни высоких стульев без спинки, ни даже кухонного окна. Девушка с аккуратно убранными волосами спокойно вела какую-то документацию, а увидев подходящего к ней Александра, встала и приветливо улыбнулась, как старому знакомому. «Видимо, он, и вправду любит это „место“, раз она его так встречает». Собственно говоря, не Александром, а Сашей он стал для Веры Анатольевны несколько минут назад, когда они, подходя к перекрестку, обменялись именами, официально завершив ритуал знакомства:

– Вы знаете, а у меня есть одна потрясающая способность, хотите, расскажу какая? – весело спросил ее он.

– Неужели? Ну и какая это? – она тоже улыбалась в ответ.

– Я угадаю ваше имя с первого раза, спорим?

– Ого, у вас будет много вариантов! Вы же можете проиграть, не стыдно будет потом, что так самоуверенно пообещали? – Вера Анатольевна приняла игру, но ей хотелось подлить масла в костер. Ей нравилась его игривая задиристость.

– А я не проиграю!

– Думаете? – Вера Анатольевна уже засомневалась, не оставила ли она бейджик с именем, но вовремя вспомнила что он остался приколот к пиджаку в ее купе. «Вот же чертов поезд, как бы не забыть о времени!»

– Уверен на все сто! – продолжал бахвалиться он, помогая переходить улицу.

– Мне нравится ваша уверенность, хотя я не понимаю, откуда она берется!

Они добежали до конца перехода. Он остановился, продолжая держать ее за руку.

– Если я вам скажу ваше имя с первого же раза, я выиграю, так?

Она кивнула.

– Значит, я буду победитель, верно?

Она снова кивнула, начиная подозревать, что он к чему-то клонит.

– Я требую знать свой приз! Мне нужно знать мою награду, тогда я смогу сконцентрироваться на результате. Иначе, не получится!

Он говорил это настолько убедительно, при этом, не переставая ей улыбаться, что без смеха на это нельзя было смотреть. Вера Анатольевна рассмеялась:

– Вот видите, вы уже меняете правила игры! Признайтесь, что вам просто это не под силу, потому что с первого раза попасть нереально, это абсолютно невозможно!

– Мне не под силу?! Мне нереально? – он вскипел, смешно изображая обиженного. Они отошли в сторону, чтобы не мешать прохожим, и он продолжил, гораздо спокойнее, – давайте так: я называю ваше имя с первого раза, вы удивляетесь, потом целуете меня в щеку, и мы переходим на «ты»? Как вам?

И хотя ее глаза округлились от возмущения и неожиданности, она приняла этот вызов, согласившись с таким «призом». Пока игравший в рулетку из женских имен, сиял довольной улыбкой, Вера Анатольевна знала, что случайное совпадение не произойдет, и жалела, что он

не угадает, и придется его огорчать. Портить такую внезапную игру она не хотела, а потому подумала, не приврать ли, и не согласиться на первое же имя, которое он назовет, как на настоящее. Поцеловать его можно хотя бы даже за оригинальность. Когда же он через одно мгновение твердо и уверенно назвал ее имя, смотря прямо ей в глаза, она от удивления раскрыла рот, и забыла даже ответить, правильно ли он его назвал. Хотя ему, словно, это и требовалось.

Вручив заслуженный приз победителю, смущенная и ошеломленная Вера Анатольевна, не полюбопытствовать:

– Как вы это сделали?!

– Мы договорились говорить друг другу «ты» – поправил он ее, с видом самодовольного павлина, явно довольного своим триумфом, и почивающего на лаврах своей блестящей победы.

– Да но как? То есть... как... ты это делаешь?

– Это волшебство, и я не могу выдать секрет. Увы.

– Ну ладно! Как вон того мужика зовут? Скажи, я и пойду, узнаю у него.

– Не имею ни малейшего понятия!

Вера Анатольевна удивленно остановилась. Они уже подошли к крыльцу ресторана.

– Мы уже почти пришли, – объявил он

– Как это не имеешь? – настаивала она, – у тебя же способность! Ты же сам сказал!

– Я сказал, что угадаю лишь твое имя, – он хитро улыбнулся, – да и поцелуй от того мужика мне не нужен. Ну, пойдём?

Кухня этого ресторана, которое Александр незаслуженно называл «кафешкой» была великолепной. Еще бы, после привокзальных столовых и порционной еды из полуфабрикатов в вагоне-ресторане, пожалуй, ипельменная показалась бы настоящим пиром у короля. Однако, с таким сомнительным заведением ресторан «Ваше место» соперничать все равно не собирався, а потому для единственных гостей в эту раннюю пору тамошние шеф-повара расстарались на славу.

– Ты же говорил «по мороженому»! – удивленно напомнила Вера Анатольевна, когда им принесли бутылку розового вина, сладости с орешками и печеньем, и салат с маслинами – Я думала, это вообще библиотека! – она кивнула в сторону стен с книжками.

– Нравится? Здесь можно прийти и поесть, послушать музыку, негромкую и без слов. Знаешь, просто спокойный ровный музыкальный ряд. Очень расслабляет. Но это вон там, в обеденной. Здесь комната для чтения. Каждый столик оборудован всем необходимым, от лампы до пишущих наборов. Мало ли, захочется выписать себе и з книжки что-либо. Можно пить кофе и весь вечер читать Кальвино.

– Это тот, что у тебя был там, в парке?

– Точно! Никак не мог понять, о чем он пишет, этот итальянец – разные истории, непонятные и сложные, а все сквано одним общим обращением к читателю. Вот, я подвизался и не могу оторваться теперь.

– И что, тебе разрешают уносить книгу с собой?

– Э-э, ну меня здесь уже знают. Слушай, эти интеллектуальные игры разума всегда пробуждают во мне волчий аппетит. Спасибо! – он перенял от официантки бутылку, и сам стал разливать его в бокалы, – ты, конечно, в меню можешь выбрать себе, что захочешь, но то, что я уже заказал – ты обязана попробовать в первую очередь.

– Но... – начала было возражать Вера Анатольевна.

– В такой зной розовое вино в самый раз. Оно не бьет в голову, не вызывает жара, и не опьяняет, как местные тополя – они засмеялись, хотя Вера Анатольевна испытала небольшой комплекс деревенщины, хотя сама приехала из Москва, и вообще там родилась и жила всю свою жизнь. – Мы же слегка, правда? – его мягкий натиск не давал ей возможности перечить. Она взяла бокал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.